

НЕСКОЛЬКО лет назад в одном из своих интервью Мариэтта Шагинян вспомнила прочитанный ею в детстве в какой-то немецкой книжке рассказ о бабочке.

Родилась бабочка, и перед ней открылась долгая-долгая жизнь. Сперва было утро со множеством минут и секунд, и ей оно показалось нескончаемым — так много она перевидала и налетала; потом пришел бесконечный день — целая вечность дня. И, наконец, вечер — сперва золотой от солнца, потом он порозовел, покраснел, позеленел. И все это длилось и длилось, и бабочка устала. Потом пришла темнота, и с ней — конец жизни.

— Прочитав этот рассказ, я вдруг почувствовала протяженность времени: какое оно большое, какое огромное количество времени — один-единственный день. И задумалась о том, как надо прожить свое время: не впустую, не зря, а всерьез, на пользу другим людям, чтобы, когда придет конец жизни, сказать себе удовлетворенно: сделала все, что могла, не испортила жизнь, не потеряла драгоценного, отмеренного мне времени...

Быть может, в особом осознании долготы времени — и одного-единственного, и всех дней жизни — кроется разгадка колоссальной творческой энергии Мариэтты Шагинян.

Через десять дней ей исполнится девяносто лет. Семьдесят пять из них отданы литературе. Случай редкостный! И за все годы не было без строчки ни единого дня. Пишет она и сейчас — каждое утро.

А здоровье? — спросит читатель. Может быть, этот феномен объясняется неслыханно крепким ее здоровьем? Нет, природа неумолима. К ней она была даже жестока. Природа лишила тринадцатилетнюю девочку слуха. Лишила на всю жизнь. И Мариэтта

Сергеевна привыкла к этому. Теперь, в старости, природа подкралась к зрению...

Я застал ее среди великого множества пакетов. Они громоздились на столе, на стульях, на подоконнике. Груды пакетов с конвертами, пачки аккуратно перевязанных бумаг. Мариэтта Сергеевна рылась в них, то и дело наклоняя голову чуть ли не вплотную к бумагам и приставляя к прищуренным глазам большую лупу.

— Чем это вы заняты? — спросил я.

— Привожу в порядок архив... Но вот беда, почти ничего не вижу.

Я предложил свои услуги, сам, правда, не зная, в чем они могут заключаться.

— Нет, вы только все напутаете. Если хотите, поглядите кое-что. Здесь есть интересное.

Беру наугад один из пакетов. На нем надпись: «От ученых наших и зарубежных. 1935 г.». Не глядя запускаю руку в пакет и вынимаю на счастье первую попавшуюся бумагу.

Это не письмо, а чья-то ру-

копись. Английская. Откуда? Мариэтта Сергеевна разглядывает рукопись:

— А-а, это мои сокровища с XV Международного конгресса физиологов в Ленинграде в 1935 году. Я там была корреспондентом «Правды» и за 16 дней ухитрилась написать 17 очерков и репортажей. Два последних прошли в одном номере. Под одним стояла подпись «Мариэтта Шагинян», под другим — «М. Шагинян». Конгресс был замечательный, и мне удалось заполучить для «Правды» две статьи от крупных ученых — английского физиолога Арчибалда Хилла и японского физиолога Генити Като. Оригиналы остались у меня. То, что вы вытащили, и есть рукопись Хилла.

Другой конверт — из Швейцарии. И опять с громким именем ученого — «тайного медицинского советника», биохимика и физиолога Эмиля Абдерхальдена.

— У этого письма своя маленькая история, — заметила Мариэтта Сергеевна. — На обеде у академика Штерн Лины Соломоновны меня посадили рядом с гостем из Швейцарии; с ним нужно было говорить по-немецки. Узнав, что я писатель, Абдерхальден спросил, нет ли у меня книги, переведенной на немецкий. А в то время как раз вышла на немецком моя «Гидроцентраль», и на следующий день я ему эту книгу послала в гостиницу. Позже узнала, что обо мне справлялся профессор Борис Ильич Збарский. Оказалось, он получил из Швейцарии письмо от Абдерхальдена, который просил сообщить ему адрес «дамы, что сидела рядом с ним на обеде у Штерн». Прошло месяца полтора, и вот пришло от него письмо уже мне. Вы его держите в руке.

«...Я читал Ваше произведение с огромным интересом... Шлю Вам сердечное спасибо за то, что Вы его сделали доступным мне...» — писал ученый.

— Ну, вытягивайте еще «билетик на счастье», — с полу-

улыбкой сказала Мариэтта Сергеевна.

Из другого пакета я вытянул сразу несколько писем. От академика Вячеслава Петровича Волгина: он писал Мариэтте Шагинян, с каким большим вниманием прочел ее работу «Утопия» Низами. От Игоря Грабаря — о ее книге «Гёте»... А вот письмо, подаренное ей «Литературной газетой». В июне 1957 года газета опубликовала большую статью Шлагиняна об Альберте Швейцере. Это был отклик на речь восьмидесятидвулетнего ученого, требовавшего прекратить испытания атомной бомбы. Статья стала известна знаменитому врачу, и он прислал благодарственное письмо в «Литературную газету» с теплыми словами в адрес «мадам Шагинян».

Письма, письма... Датированные еще дореволюционными годами — от профессора

была администратором. Это — общение мое с внешним миром, с интересными, мыслящими людьми почти всего света. Загляните внутрь этих конвертов — и вы услышите человеческую речь. Она — в буквах заменяет мне беседу — в звуках. Я ведь не слышу! А потом, многие письма были для меня поучительны, будили воображение — чего стоит, например, общение — вот эта толстая пачка — с переводчиком моим, японским профессором Ито. Он немецкую литературу преподает в Японии, перевел моего Гёте, «Семью Ульяновых». Посылает свои собственные статьи. Общение — нужное, переходящее в дружбу, — ведь это тоже вклад в нашу борьбу за мир.

Почта писателя. Почта десятилетия жизни Мариэтты Шагинян, литератора, являющего собою неразрывность свя-

— Погодите, погодите. Небось думаете, что все это мне не под силу: слепнет, мол, старуха, ходить ей трудно, руки слабеют...

— Нет, не думаю, — совершенно искренне сказал я. — Но хотел бы знать, как сказываются годы?..

— Извольте присесть и выслушать. — И сама села за стол, отодвинула в сторону листы бумаги, флакон с чернилами и старую ученическую ручку с английским пером, какими пишет всю жизнь; отодвинула, как бы давая мне знать, чтобы я не вздумал записывать при ней. И заговорила:

— В возрастных состояниях — детства, юности, зрелости, старости — самое интересное то, что человек, когда он переходит в следующий возраст, чувствует себя, как будто всегда был в этом возрасте. Мне было дано чудесное чувство пребывания в молодости почти до последних лет. Я бегала, могла проходить свободно до двадцати километров за день и все, что свойственно молодости, способна была переживать. Но зато, когда пришла старость, это была уже настоящая старость. Тут у меня и ноги стали отниматься, и полуслепла, писать могу, а читать написанное не могу. Напали на меня, как волки, со всех сторон разные болезни. Особенно трудно стало переносить потерю книги — невозможность чтения. Но тут начал действовать великий закон освоения своего возраста. Не надо впадать в панику, возмущаться природой. Как я раньше чувствовала, что всю жизнь была молода, так сейчас чувствую, что всю жизнь была старая. И у этого возраста свои привлекательные стороны. Во-первых, появилось много свободного времени. Оказывалось, чтение пожирало у меня массу времени и сил. Особенно чтение ненужных, бесплодных, неумных книг. Я, например, могла зачитываться всякого сорта детективами несколько дней, читать их ночами, за обедом, даже иногда во время прогулки шла себе по дороге, уткнув нос в книгу. Сейчас такое отпало. И та малая возможность чтения, которая осталась теперь, доставляет мне колоссальное наслаждение и пользу. Недавно я получила вторую книгу «Размышлений натуралиста» В. И. Вернадского. Раньше я начала бы читать сразу и целиком. Сейчас увидела в оглавлении самое интересное для меня — 3-е приложение «Правизна и левизна» в связи с Пастером и Пьером Кюри. Вопрос этот занимает меня давно. Я писала о нем, когда посетила дом в городе Доле во Франции, где родился Пастер. Статья оказалась коротенькой — всего в две странички, а я прочла ее с помощью лупы в два дня. Прочла и подумала: слепота помогает ценить настоящее и оберегает от ненужного и лишнего. Конечно, мне бы хотелось сохранить эту маленькую долю зрения подольше. То же самое с движением. Ноги отнимаются, а какое удовольствие дает прогулка от дома до ворот и обратно — без опоры на кого-нибудь, а только на одну палку!.. А теперь — спокойной ночи. — вдруг сказала она и выключила слуховой аппарат.

Вышла на порог. И помохала мне вслед своей маленькой рукой.

В этот вечер Мариэтта Сергеевна посвятила меня в свои планы.

На нижних полках книжного шкафа в тесном ряду стоят десятки толстых тетрадей, порядком потрепанных, в поблекших обложках. Это дневники. Писательница ведет их с июля 1915 года и по сей день. Шестидесят три толстые тетради, исписанные мелким, бисерным почерком. Кое-где к листам аккуратно подклеены вырезки из газет и журналов, документы, автографы рабочих, инженеров, ученых, фотографии. В трех первых тетрадях отражены военные и предреволюционные годы. В остальных — ежедневные записи о своей работе, разъездах, «вмешательстве в жизнь», всего того, что видела, узнала — чем жила она шестьдесят советских лет.

— Вот и с дневниками мне нужно поработать. Просмотреть и выбрать, пока жива, что годится для печати. Отберу все существенное и, быть может, если найдется издатель, — опубликую. Но прежде закончу «Человек и Время».

Было уже поздно, и я собрался уходить.

Репортаж «ЛГ» ВЕЧЕР У МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН

зи времен. Три революции свершились на ее глазах. Прогрессом несколько войн. Октябрь семнадцатого она, одной из первых среди дореволюционных писателей, приняла как событие, кровно необходимое, как исторически неизбежное, великое. Интеллигент по происхождению и воспитанию, она незамедлительно включилась в борьбу за строительство нового мира, с головой погружаясь в любое нужное дело, и опыт этот преобразовывался потом в строки, страницы, книги художника-летописца времени. Весь свой неистовый темперамент, свои огромные знания, свой высокий дар исследователя она отдает воспитанию нового человека. Она современница и участница тех событий, фактов — того «материала», из которого складывались ее очерки, рассказы, повести, романы...

В этот вечер Мариэтта Сергеевна посвятила меня в свои планы.

На нижних полках книжного шкафа в тесном ряду стоят десятки толстых тетрадей, порядком потрепанных, в поблекших обложках. Это дневники. Писательница ведет их с июля 1915 года и по сей день. Шестидесят три толстые тетради, исписанные мелким, бисерным почерком. Кое-где к листам аккуратно подклеены вырезки из газет и журналов, документы, автографы рабочих, инженеров, ученых, фотографии. В трех первых тетрадях отражены военные и предреволюционные годы. В остальных — ежедневные записи о своей работе, разъездах, «вмешательстве в жизнь», всего того, что видела, узнала — чем жила она шестьдесят советских лет.

— Вот и с дневниками мне нужно поработать. Просмотреть и выбрать, пока жива, что годится для печати. Отберу все существенное и, быть может, если найдется издатель, — опубликую. Но прежде закончу «Человек и Время».

Было уже поздно, и я собрался уходить.

— Ну, вытягивайте еще «билетик на счастье», — с полу-

— Константин СЕРЕБРЯКОВ

Этот снимок сделан фотокорреспондентом В. КРОХИНЫМ на VI съезде писателей СССР